

ДОКЛАД МЕЖДУНАРОДНОГО ДИСКУССИОННОГО КЛУБА «ВАЛДАЙ»

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ТЬМА ПЕРЕД НОВЫМ РАССВЕТОМ?

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И БУДУЩЕЕ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

А.Г. Аксенёнок, И.Д. Звягельская, В.А. Кузнецов, В.В. Наумкин, Н.В. Сухов

МОСКВА, ИЮНЬ 2017

Авторский коллектив

Александр Георгиевич АКСЕНЁНОК

к.ю.н.; Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Российского Совета по международным делам (РСМД)

Ирина Доновна ЗВЯГЕЛЬСКАЯ

д.и.н.; главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований и член ученого совета Института востоковедения Российской академии наук; профессор кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России; профессор Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Василий Александрович КУЗНЕЦОВ

к.и.н.; руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук; доцент факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова

Виталий Вячеславович НАУМКИН

руководитель авторского коллектива; д.и.н., профессор; академик РАН; научный руководитель Института востоковедения Российской академии наук; заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор журнала РАН «Восток (Oriens)»; советник специального представителя ООН по Сирии

Николай Вадимович СУХОВ

к.и.н.; научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук; старший научный сотрудник Института Африки Российской академии наук; доцент Российского университета дружбы народов; вице-президент Международного клуба ближневосточных исследований (IMESClub)

Доклад развивает положения дискуссии, которая состоялась на конференции клуба «Валдай» «Ближний Восток: когда наступит завтра?» (27–28 февраля 2017 г.)

Содержание

I . «Корни зла»: об истоках конфликтности	5
II. «Воскресшее средневековье»: о специфике современных конфликтов	9
III. «Чужие» игры: о роли глобальных акторов на Ближнем Востоке	12
IV. «Заклятые» братья: о политике региональных акторов	16
V. НЭР: о новой экономической реальности Ближнего Востока.....	20
VI. Возрождение птицы Феникс: о перспективах постконфликтной реконструкции.....	25

В общественном сознании, как на Западе, так и в России, Ближний Восток в последние годы всё более воспринимается как территория насилия и терроризма. Несмотря на то, что конфликтные действия охватывают далеко не все страны, невольно создается впечатление, что именно они становятся сегодня основным содержанием политической жизни региона, вовлекая всё новых региональных и глобальных игроков, превращаясь в арены войн по доверенности, разрушая государственность, создавая плодотворную почву для формирования и укрепления не- и анти-государственных акторов, сея чувство страха и неуверенности в будущем.

За шесть лет, прошедших с овеванных революционно-романтическим флером событий Арабского пробуждения, конфликты, сотрясающие Ближний Восток, по самым скромным оценкам, привели к гибели более полумиллиона людей. Из них на одну Сирию, по данным ООН, приходится порядка 400 000. Более десяти миллионов человек стали беженцами, вызвав миграционный кризис в принявшей более двух с половиной миллионов человек Турции, более миллиона – в Ливане, более полумиллиона – в Иордании, сде-

лав эту проблему центральной для государств Европы, приведя к депопуляции Ливии.

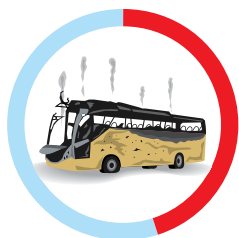
Их результатом стали гуманитарные катастрофы в некоторых районах Сирии, Ирака, Ливии и наиболее острая – в Йемене, 60% населения которого сегодня страдает от голода. Под угрозу уничтожения были поставлены целые народы, столетиями жившие на этой земле – ассирийцы, езиды, шабак, сабеи-мандеи, какаи. Целое поколение молодых людей, погруженных в атмосферу насилия, ненависти и безнадежности, лишенных доступа к образованию, оказались лишены будущего.

Когда бы и как бы не были завершены эти конфликты, очевидно, что Ближний Восток больше не будет прежним. До какой степени эти конфликты являются производными глобальных трендов развития и до какой – проявлением особенностей региона? Насколько и каким образом они способны влиять на глобальную повестку дня? Могут ли их урегулирование создать новую реальность, в которой стабильность и процветание будут гарантированы всему региону?

Или война может длиться вечно? И откуда – война?

БЛИЖНИЙ ВОСТОК СЕГОДНЯ

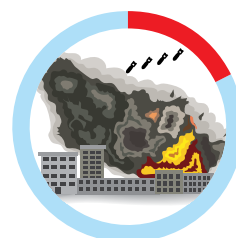
НА АРАБСКИЙ РЕГИОН ПРИХОДИТСЯ

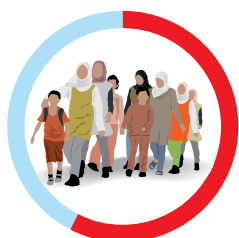
45% террористических атак в мире в 2014 г.

5% от численности населения мира

17,6% мировых конфликтов в 1948–2014 гг.

57% беженцев в мире, включая палестинских беженцев, 2014 г.

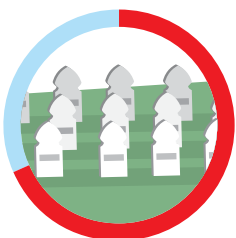
Наиболее опустошенные войнами страны

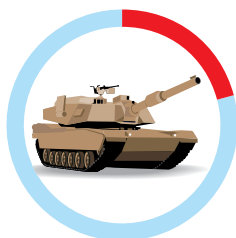
Сирия, Ирак, Йемен, Палестина, Ливия, Сомали

47% вынужденных переселенцев внутри страны в мире в 2014 г.

68% смертей в мире, связанных с боевыми действиями в 1989–2014 гг.

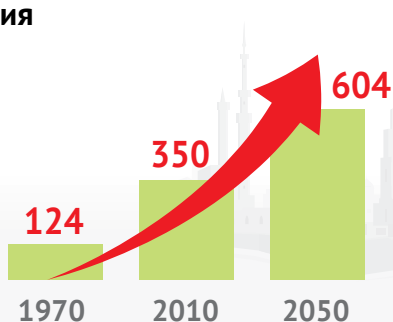

21% рост военных расходов стран арабского региона с 2009 г.

30% безработных среди молодежи в 2014 г.

Рост численности мусульманского населения (млн)

Число жителей арабского региона, проживающих в охваченных конфликтами странах (млн)

Источник: UNDP Arab Human Development Report (<http://www.arab-hdr.org/>).

I. «Корни зла»: об истоках конфликтности

Истоки и причины конфликтов на Ближнем Востоке многочисленны, разнообразны и связаны с историческими процессами большой, средней и малой длительности, естественная динамика течения которых, однако, оказалась в последнее время нарушена.

С процессами **большой длительности** связаны такие фундаментальные причины конфликтов, как острый разрыв в обеспеченности ресурсами между странами, нарастающая нехватка воды, дисбалансы демографической структуры населения, системные проблемы социально-экономического развития.

Быстро растущее население (численностью более 350 млн человек) арабских стран проживает лишь на 4,2% их совокупной территории¹, что эквивалентно, например, площади Испании. Основную часть остального пространства занимают пустыни (ок. 80% территории), причем в последние годы их площадь быстро растет. На душу населения здесь приходится в семь раз меньше воды, чем в среднем в мире, около 55% населения страдает от её нехватки². По прогнозам ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН), к 2025 г. только Ливан останется относительно благополучной в плане водоснабжения страной, в то время как Иордания, Ливия, Кувейт, Катар, Оман, Саудовская Аравия, Тунис, Объединенные Арабские Эмираты, Йемен, Алжир и Бахрейн будут переживать острейший водный кризис³.

¹ Al-Hamad A.Y. *The Arab World: Performance and Prospects*. Dubai, 2003. P. 15.

² Ежегодник «Арабские исследования». М., 2010. С. 15.

³ *Water Management and Food Security in MENA 2015*. FAO. URL: http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/rne/docs/LWD-Main-Report-2nd-Edition.pdf

Характерно, что вызванное засухой переселение в города почти двух миллионов сирийцев было одной из причин протестного движения, а по данным МВД Йемена накануне Арабского пробуждения из-за нехватки воды и её несправедливого распределения происходило около 70% конфликтов в глубинке страны – в них погибало порядка 3–4 тыс. человек в год.

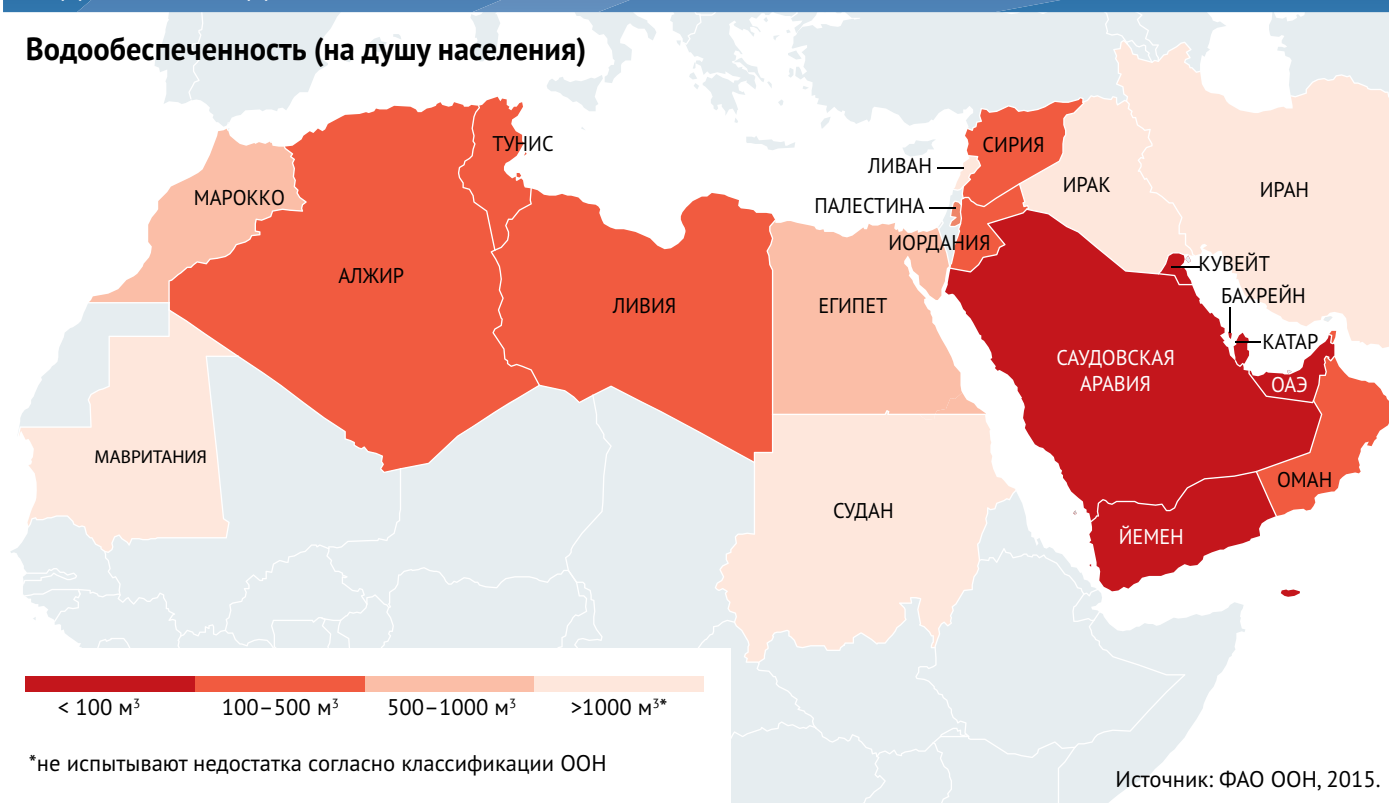
В бедных странах дефицит воды порождает и дефицит продовольствия, становящийся особенно острым из-за специфики демографических процессов на Ближнем Востоке. При том, что многие общества региона уже совершили демографический переход. В монархиях Аравийского полуострова, в Ливии и отчасти в Алжире развитие нефтегазовой отрасли в условиях сохраняющегося социально-политического традиционализма привели к снижению смертности при сохранении высоких темпов рождаемости, результатом чего стал длительный рост населения.

Огромная доля молодого населения в демографической структуре обществ (до 60% людей младше 30 лет) – источник как их динамичности, так и высокой эмоциональности социального поведения. Принимаемые им насильственные формы поведения – результат не только растущего числа вызовов, но и фрустрации, порожденной незавершенностью социальной модернизации, кризисом идентичности, с одной стороны, и разрушением традиционных механизмов доверия – с другой.

С процессами **средней длительности** связаны системные проблемы социально-экономического и политического развития, а также сбои в функционировании мирополитической системы в целом. Обычно именно

НЕДОСТАТОК ВОДЫ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Водообеспеченность (на душу населения)

об этом кластере проблем говорится при анализе причин Арабского пробуждения.

Накануне начала массовых протестов 2010-х гг. средние темпы экономического роста на Ближнем Востоке были весьма высокими – около 5% по сравнению с 2,4% в экономиках стран – членах ОЭСР⁴, а в 2012 г. доходы четырёх аравийских монархий-нефтеэкспортёров (Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, ОАЭ) достигли пиковых величин, превысив 600 млрд долл. США (70–80 млрд долл. США в конце 1990-х гг.)⁵.

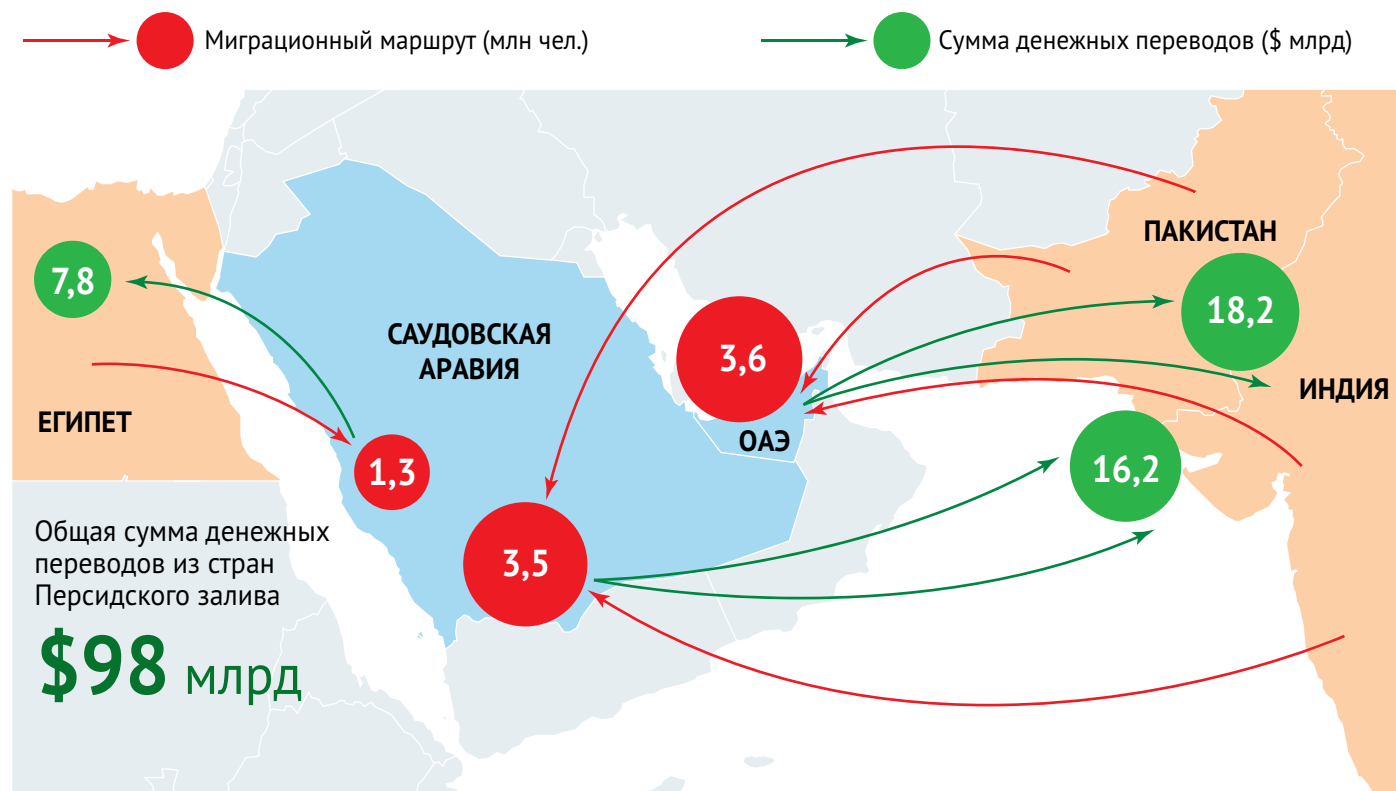
⁴ Arab World Competitiveness Report 2011–2012. Geneva, 2011. P. 7. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_AWC_Report_2011-12.pdf

⁵ Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Авторский коллектив под руководством Л. Григорьева. Аналитический Центр при Правительстве Российской Федерации, выпуск №2, ноябрь 2015. В фокусе: экономика арабских стран. График 10. С. 13.

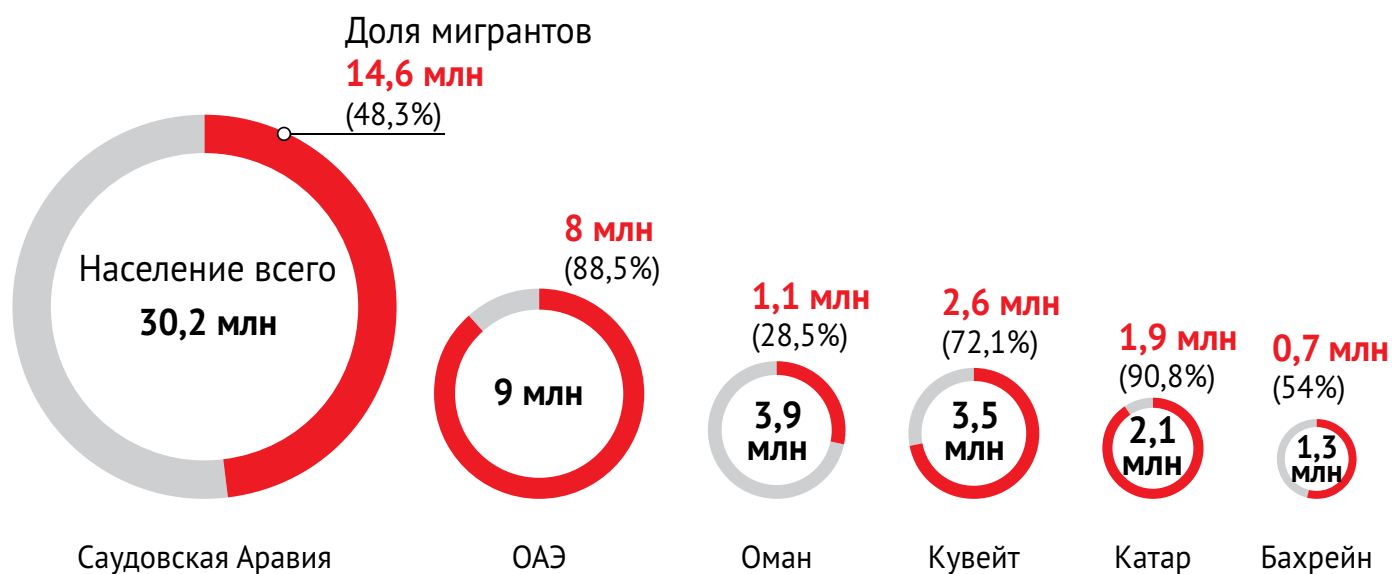
При этом часть нефтяных сверхдоходов способствовала экономическому росту и в других арабских странах благодаря переводам рабочей силы, занятой в странах Персидского залива, а также прямой финансовой помощи по линии государства и частных фондов.

Вместе с тем макроэкономические показатели оказались обманчивыми. Либеральные экономические реформы позволили повысить средний уровень жизни и расширили прослойку среднего класса в Египте, Тунисе и Сирии, однако одновременно породили завышенные экономические ожидания населения и увеличили имущественное неравенство. Основными бенефициарами роста стали приближенные к власти представители высшей бюрократии, бизнеса и руководства силовых структур – в целом не более 10% населения. Значительная часть населения региона

ОСНОВНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ В СТРАНЫ ССАГПЗ

Общее количество населения и доля мигрантов

Источник: Migration and Remittances Factbook 2016.

продолжала жить за чертой бедности: согласно данным Всемирного банка за 2015 г., 53% населения в арабском мире жили на четыре и меньше долларов в день⁶.

На грани бедности оказываются, в основном, жители сельскохозяйственных районов (44% населения региона). В Египте это 40% населения, в Сирии – 62%, в основном, на востоке страны. В Йемене доля бедных в ряде районов доходила до 80%⁷.

Постоянный эффект «социальной бомбы» создает хроническая безработица, уровень которой, только по официальным данным, колеблется от 10 до 25%, достигая 40% среди молодежи до 30 лет. В Алжире, например, количество безработных среди молодежи (более 50% населения страны) в три раза выше, чем в целом по стране (30% и 10% соответственно)⁸. По подсчётам ОЭСР, чтобы остановить дальнейший рост безработицы на Ближнем Востоке в ближайшие десять лет необходимо создать 25 млн рабочих мест. Для этого потребуются ежегодные темпы экономического роста в 5,5%, сегодня совершенно невозможные⁹.

Существование на Ближнем Востоке различных типов хозяйствования цементирует чрезвычайно высокую фрагментированность обществ, с одной стороны, способствуя сохранению огромного сектора теневой экономики (40–60% экономи-

ки в разных странах, до 80–90% в отдельных внутривосточных ареалах, не считая зон вооруженных конфликтов), с другой стороны – отчуждая власть от общества и препятствуя развитию современной государственности. В результате государственная власть продолжает восприниматься во многих сегментах общества как чуждая и даже враждебная сила.

С этим связана характерная почти для всех стран региона слабость государственности, вызванная дисбалансом институционального развития, при котором разветвлённые и высокоразвитые институты исполнительной власти плохо соотносятся со слабыми законодательной и особенно судебной её ветвями. Институты гражданского общества, хотя и активно развиваются в некоторых странах (Бахрейн, Кувейт, Ливан, Египет, Иордания, Турция), всё ещё остаются маргинальными – их деятельность затрагивает лишь небольшую часть модернизированного населения и зачастую зависит от внешней поддержки.

На все эти внутренние факторы накладываются и внешние – связанные с местом региона в переживающей собственный кризис системе международных отношений. Отсутствие на Ближнем Востоке очевидного гегемона и относительная слабость всех региональных держав в условиях общего кризиса лидерства и перехода мира к многополярности порождает парадоксальную ситуацию. С одной стороны, регион располагается на пересечении интересов всех глобальных игроков. С другой же, ни для кого из них стабильность и устойчивое развитие Ближнего Востока не входит в число приоритетов. Исключение теоретически должны представлять Европа и Россия, но первая по-

⁶ *Annual Report 2015. Middle East and North Africa. The World Bank.* URL: www.worldbank.org/en/region/mena

⁷ *The New Middle East, Protest and Revolution in the Arab World.* Edited by Fawaz A. Gerges, 2014. P. 12.

⁸ *Арабский кризис и его международные последствия.* М., 2014. С. 36; *The New Middle East. Protest and Revolution in the Arab World...* P. 11.

⁹ *Arab World Competitiveness Report 2013.* Geneva, 2013. P. 9. URL: <http://www.ebrd.com/downloads/news/arab-competitiveness-report.pdf>

гружена в собственные проблемы, а интересы России на Ближнем Востоке остаются ограниченными.

Наконец, с процессами **краткой длительности** связаны актуальные проблемы геополитического и экономического соперничества, кризиса политического лидерства и т.п.

Часть региональных конфликтов стала результатом проигранной битвы за обновление, захлебнувшейся «арабской весны» (Сирия, Йемен). Другие (Ирак) – имели первоначальной причиной внешнее военное вмешательство, стратегические цели которого были нереалистичны, а методы – неадекватны. В каких-то случаях именно силовое вмешательство внешних акторов стало катализатором внутренней протестности (Ливия).

Важным фактором конфликтогенности стал кризис регионального лидерства, происходивший на фоне попыток Ирана активизировать свою роль в регионе, постепенного

поворота Турции на Юг, вызванного, среди прочего, разочарованием Анкары в перспективах интеграции в ЕС, укреплением малых государств Залива (прежде всего, Катара) и реализации американской стратегии «поворота к Азии», заставившей Вашингтон снизить свою активность в регионе.

Все это происходило на фоне приближавшейся смены элит в ряде стран региона, растущей поколенческой пропасти между политическими элитами и основной массой населения, быстрой информатизации обществ. За последние шесть лет ко всем этим хорошо известным факторам добавился один принципиально новый – актуальные конфликты, несущие в себе семена конфликтов будущего.

Предложенный трехуровневый анализ факторов конфликтогенности, восходящий к идеям Ф. Броделя, сегодня дает сбои – процессы большой длительности резко ускорились, оказавшись восприимчивыми к импульсам, исходящим от конъюнктурных факторов.

II. «Воскресшее средневековье»: о специфике современных конфликтов

Новые конфликты – в Сирии и Ираке, в Ливии, в Йемене – обладают рядом характеристик, отличающих их от «старых» – Ближневосточного и Западносахарского. С одной стороны, в этих особенностях преломляются глобальные тренды мирового развития, с другой же – сами они могут служить источником новых трендов.

На смену классическим «одномерным» конфликтам, связанным с межгосударственным противостоянием или этноконфессио-

нальными столкновениями, пришли гибридные конфликты, сочетающие в себе признаки социального и межконфессионального противостояния, гражданской войны, этносепаратистской борьбы за самоопределение народов с элементами войн по доверенности, допускающими прямое военное участие как региональных, так и глобальных акторов.

При всей необычности ситуации называть её совершенно уникальной нельзя. Речь идет о структурной архаизации

конфликтности, всё более напоминающей стилистику средневековых смут, реализующуюся на современном технологическом уровне. Подобная специфика в полной мере соответствует известной концепции «нового средневековья», обыкновенно описываемой на западном или российском материале (от Николая Бердяева до Умберто Эко), однако в данном случае взятой в своем конфликтном изводе.

Кризис национальных государств, мультипликация негосударственных акторов, растущая роль политических лидеров, персонифицирующих саму идею власти, эрозия идеологий, укрепление традиционных идентичностей, сакрализация и политизация исторической мифологии – все эти элементы средневекового наследия, в острой форме выраженные в конфликтах на Ближнем Востоке, в более мягких вариантах легко обнаруживаются едва ли не в любом регионе мира.

С «новым средневековьем» связана и такая особенность конфликтов, как их асимметричность, в реальности проявившаяся ещё в Ливане 2006 г. Однако если в ливанском случае обе стороны рассматривали противостояние оппортунистически, то сегодня уровень акторов, как правило, коррелируется со степенью их мотивированности. Если для локальных негосударственных игроков, зачастую консолидированных на основе этнической, конфессиональной или клановой идентичности, конфликт видится как экзистенциальная борьба, то для акторов более высокого уровня – региональных и тем более глобальных – он связан с вполне оппортунистическими интересами. До определенной степени исключение составляет сирийское правительство, отчасти консолидировавшее проживающие в стране мень-

шинства на почве противостояния суннитскому джихадизму, победа которого означала бы их геноцид.

Асимметричность многоуровневых конфликтов проявляется и в том, что помимо простого противостояния «по горизонтали» – локальных, региональных и глобальных сил между собой – на каждом из уровней намечилось и их противостояние «по вертикали» – глобальных игроков с региональными, а иногда и с локальными. Поскольку на каждом из уровней динамика конфликта определяется собственными факторами (геополитическими, экономическими, социальными, идеологическими и пр.), соотношение между которыми непостоянно, то формирование «вертикальных» осей противостояния ведет к распространению воздействия факторов того или иного уровня на всё большее число игроков. В результате, например, российская кампания в Сирии на первых порах могла совершенно неверно интерпретироваться через призму суннито-шиитского противостояния; а поведение локальных сирийских сил столь же несправедливо рассматривалось как производное от ирано-саудовского или американо-российского противостояния. Несмотря на то, что позиция внерегиональных держав по ситуации в Ливии и Йемене выражена значительно менее отчетливо, общая тенденция к усложнению структуры конфликтов наблюдается и в этих странах.

Следствием гибридности и асимметричности, помноженных на неконтролируемость границ, становится определенная открытость конфликтов, серьезно затрудняющая их урегулирование. В наиболее явной форме она проявляется в Ливии, в наименее явной – в относительно изолированном Йемене. После формирования российско-

турецко-иранского квазиальянса сирийский конфликт оказалось возможным частично локализовать.

Специфическим образом открытости способствует интеграция тех или иных акторов в сетевые структуры – это относится не только к террористическим ИГИЛ¹⁰ или «Аль-Каиде», но и к шиитским военно-политическим структурам: милициям в Ираке, движению «Ансарулла» в Йемене, ливанской «Хезболле» и т.д., тесно между собой связанным. Сетевая организация позволяет негосударственным акторам давать ассиметричные ответы более сильным игрокам, одновременно способствуя расширению конфликтного пространства.

В социальном отношении «эрозия современности» происходит снизу вверх и может теоретически рассматриваться как результат демократизации информационного и смыслового пространств современного мира. На смену диктату элит эпохи Гуттенберга пришло всеобщее равенство интернета, социальных сетей и постмодернистского релятивизма.

На Ближнем Востоке это означает, что негосударственные акторы локального уровня, выражая политическую волю традиционного общества, противостоят современным институционализированным элитам – средневековые сталкиваются с современностью. Однако потребность негосударственных акторов в экспансии, легитимизации и интеграции в политическую систему, с одной стороны, и потребность государственной власти в расширении её социальной базы – с другой, ведут к модернизации одних и архаизации других.

¹⁰ Запрещена на территории России.

Так, суннито-шиитское противостояние обычно рассматривается как сущностное на локальном уровне и выполняющее инструментальную роль в борьбе за лидерство между Саудовской Аравией и Ираном – на региональном. Одновременно нельзя утверждать, что конфессиональная идентичность не используется локальными акторами (например, в Ираке) для получения доступа к власти и финансовым ресурсам. При этом элиты ИРИ (Исламская Республика Иран) и КСА (Королевство Саудовская Аравия) стратегически не готовы смириться с ролью национальных государств, отказавшись от религиозного мессианства во внешней политике.

Другой пример дает Сирия, где изначально светский и внеконфессиональный политический режим постепенно под давлением сформировавшейся на конфессиональной основе оппозиции стал восприниматься внешним миром как алавитский – и такая его характеристика оказалась вполне благосклонно воспринята на Западе, не излечившимся, по мнению Эдварда Саида, от ориентализма.

Другим следствием описанной ситуации становится формирование множества зачастую несводимых друг к другу нарративов, сосуществующих как на международно-политическом уровне, так и на социальном. В принципе, они могут быть подразделены на четыре основных типа – религиозные, националистические, глобалистские и левореволюционистские с многочисленными вариантами.

Глубинной причиной невозможности выстраивания более или менее единого нарратива, по всей видимости, следует считать глубочайший кризис доверия. Конечно, он характерен далеко не только для Ближнего Востока: согласно данным доклада

«The 2017 Edelman Trust Barometer», недоверие к «системе» в целом одна из наиболее характерных черт современного общества¹¹. Однако на Ближнем Востоке в условиях частичной или полной дисфункциональности системы и нарастающей фрагментированности обществ недоверие становится ключевым элементом как межгосударственных, так и социальных отношений, в перспективе ведя к атомизации социального и политического пространства.

Характерен в этом отношении пример Ирака, федерализация которого была следствием глубокого общественного раскола, сделавшего невозможным доверительные отношения между шиитами, суннитами и курдами. Федерализация, однако, проблему

не решила – сегодня можно наблюдать фрагментацию социально-политического пространства во всех трех частях страны, включая считавшийся наиболее благополучным Иракский Курдистан.

Предпринимающиеся в последние годы попытки консолидировать регион на почве общей борьбы с терроризмом, оказываются в сущности безрезультатными. На Ближнем Востоке не находится ни одного игрока, не обвиненного кем-либо ещё в террористической деятельности или её поддержке. Даже ИГИЛ при всех его зверствах не сумел исполнить роль «идеального врага» – целым рядом региональных акторов оно воспринимается, если и не как меньшее, то как менее насущное зло, по сравнению с остальными.

III. «Чужие» игры: о роли глобальных акторов на Ближнем Востоке

В XX веке противостояние двух идейно-политических лагерей имело свои серьезные издержки, формируя мир взаимного отторжения, в котором основные участники имели немного пространства для совместных действий, пребывая в наивной уверенности, что каждый из них находится «на правильной стороне» истории.

С уходом в прошлое биполярной системы организации международных отношений исчезла важная функция, сдерживающая глобальных акторов. Если попытки нарушить правила всё же имели место, то их результатом становился глубокий и опасный международный кризис. Соперники начинали ударять

по тормозам, старались как можно дальше отойти от края бездны глобальной ядерной войны. Их лидеры ещё помнили Вторую мировую войну, и искушения повторить этот опыт на новом ядерном этапе у них не возникало – последствия были слишком очевидны.

Принципиально менее опасным, но достаточно действенным становилось соперничество в региональных конфликтах, в которых у них имелись собственные союзники, исход столкновения между которыми должен был обеспечить той или иной великой державе преимущественные позиции в том или ином регионе. На Ближнем Востоке функцию глобальной борьбы за влияние с успехом и в течение долгого времени выполнял арабо-израильский конфликт.

¹¹ *Executive Summary 2017. Edelman Trust Barometer: Annual Global Study.* URL: <http://www.edelman.com/executive-summary/>

Местные конфликты были столь органично вписаны в международные отношения глобального уровня, что в восприятии большей части международного сообщества нередко выглядели как прямое продолжение противостояния двух систем, как столкновение, лишенное собственных побудительных мотивов и культурной специфики. Они виделись скорее как производная классового противостояния, нежели как столкновение национализмов, борьба за ресурсы, территорию, гегемонию, которые могли лишь условно подчиняться идейным установкам. В принципе было невозможно игнорировать крупных региональных игроков, равно как и их интересы, далеко не всегда совпадавшие с интересами глобальных патронов. Но даже с учетом этого обстоятельства инициатива в принятии решения о прекращении военных действий и начале переговоров всё же принадлежала не местным акторам, а высоким договаривающимся сторонам.

Отсутствие сдерживающих механизмов времен холодной войны и мощного оппонента породили у успешно вышедшей из конфронтации великой державы опасное ощущение головокружительных возможностей, когда даже «езда на красный свет» не влечет за собой серьезных последствий: «Не воевать же из-за всяких региональных пустяков!» Так, бомбардировки суверенных государств, свержение неугодных режимов, создание *ad hoc* коалиций, действующих без мандата СБ ООН или выходящих далеко за рамки мандата, существенно повлияли на ход и интенсивность региональных конфликтов, на набор вовлеченных в них сил, способствовал на деле сужению пространства для маневрирования глобальных держав. Не подвергавшиеся сомнению

нормы международного поведения, включая невмешательство во внутренние дела, взаимное признание достаточно ясно очерченных сфер влияния оппонента, стремление сохранить баланс сил, избегая искушения вырваться за «красные линии», всё чаще стали восприниматься как анахронизм.

Одновременно с этим постепенно шел процесс усиления региональных игроков, в новых условиях чувствовавших себя всё более независимо. Всегда существовавшая двойственность в их отношениях с глобальными акторами стала усиливаться. Пытаясь компенсировать зависимость от великих держав, лучше понимая логику и мотивацию их поведения, чем те понимали логику и мотивы поведения регионалов, последние и во времена биполярности пытались играть на противоречиях между соперничающими внерегиональными силами. Регулятивные возможности этих сил покоились, с одной стороны, на их силовом потенциале, а с другой, на их способности транслировать в регион смыслы и ценности, играя роль образцов для подражания.

Начало XXI века оказалось ознаменовано нарастающей эрозией и того, и другого: ценностный релятивизм, кризис западных моделей либерализма и неудачные эксперименты с социально-политическим инжинирингом сопровождались появлением международного терроризма, поставившего под сомнение силовую мощь Запада и его способность эффективно отвечать на вызовы безопасности.

В этих условиях глобальные державы из регуляторов региональных конфликтов стали всё больше превращаться в заложников региональных элит, и эта опаснейшая тенденция сегодня становится всё

более настораживающей. Внутригосударственные конфликты, формально не представляющие большого международного интереса, превращаются в своего рода воронки, затягивающие ресурсы, военные силы внешних игроков (региональных и глобальных). При этом возможности борьбы против общего врага, каковым является международный терроризм, сужаются как отсутствием общего понимания, общепринятого определения терроризма, так и под воздействием бесчисленных провокаций с разных сторон. Всё это обостряет отношения между Россией и Западом, прежде всего США, что позволяет даже самым безответственным и одиозным участникам конфликтов использовать возникающие противоречия в собственных интересах.

В стратегическом плане Дональд Трамп, равно как его предшественник, не заинтересован в усилении прямой американской вовлеченности в дела беспокойного и мало предсказуемого региона. Однако, если последствия Арабского пробуждения, дестабилизация в Ираке и Сирии и общее обострение внутрирегиональных противоречий способствовали военно-политическому втягиванию администрации Обамы в ближневосточные дела, то и Трамп может оказаться в такой же ловушке, вынужденный жестко реагировать на любые драматические повороты с учетом слабости его позиций внутри страны и ограниченности электоральной базы.

В известной мере избыточная жесткость его реакции может быть продиктована также внутривнутриполитическим раскладом сил в Вашингтоне, когда обвинения России во вмешательстве в американские выборы, а также в установлении особых связей с окружением Трампа стали препятствием на пути заявленного им улучшения амери-

кано-российских отношений на почве совместной борьбы с терроризмом на Ближнем Востоке. «Российская угроза» стала основой для удивительного в американской политике альянса – связки представителей Демократической партии с наиболее консервативным крылом Республиканской, а постоянная антироссийская риторика СМИ привела к тому, что почти 60% американцев видят в России врага¹². Несмотря на избрание Трампа, риторика предвыборной борьбы так и не была завершена вследствие конфликта, продолжающегося уже в новых условиях.

С одной стороны, неискушенность нового президента во внешнеполитических делах и малая информированность в отношении Ближнего Востока побудили его сделать ряд поспешных заявлений, которые в корне расходились с традиционными американскими подходами. Речь идет о намерениях на возможность переноса американского посольства в Иерусалим и об обещании «не настаивать» на формуле «два государства для двух народов» в контексте урегулирования палестинской проблемы. С другой стороны, окружив себя ушедшими в отставку военными с опытом службы в «горячих точках» Ближнего и Среднего Востока, Трамп будет наверняка продолжать прибегать к жестким мерам, таким как обстрел «Томагавками» сирийской авиабазы в ответ на инцидент с отравлением мирного населения химическими веществами в Хан-Шейхуне. Он был расценен не только как демонстрация угрозы Башару Асаду, судьба которого совсем недавно заботила Дональда Трампа гораздо меньше, чем борьба с террористами, но и как преду-

¹² Telhami S., Rouse S. *American Politics and Foreign Policy. University of Maryland, Critical Issues Poll. Study #2.*
URL: <https://criticalissues.umd.edu/>

преждение другим лидерам, причем не только ближневосточным.

Подход президента Трампа к Ближнему Востоку, если и не свидетельствовал о кардинальном пересмотре американского курса, то привнес в него ряд новых и порой тревожных элементов. США пока посылают «противоречивые сигналы», демонстрируя готовность к прямому применению силы и одновременно не отвергая совместной с Россией борьбы с терроризмом.

Пространство противоречий между США и РФ на Ближнем Востоке довольно велико. Все большее недовольство администрации Трампа вызывают действия сил, поддерживающих правительство Сирии, прежде всего Ирана и «Хезболлы». Заявленная готовность Белого дома ввести новые санкции против Тегерана – на сей раз за ракетную программу – и поставить под сомнение соглашение P5+1 побуждают администрацию требовать от России пересмотра сотрудничества с Ираном и оказать на него влияние с целью кардинального сокращения его присутствия в Сирии. При этом ослабление российских связей с Ираном выдвигается Вашингтоном как своего рода ультиматум.

Конечно, интересы России и Ирана в Сирии далеки от полного совпадения. Так, по мнению ряда участников конференции Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Ближний Восток: когда наступит завтра?» 2017 г., стремление Ирана добиться военной победы, надолго закрепить в Сирии за счет создания собственных баз и приобретения собственности, а также преимущественная ориентация на всемерную поддержку шиитской части мусульманского населения Ближнего Востока приходят в некоторое противоречие с линией Москвы.

Несмотря на явно проявившиеся разногласия, у РФ и США сохраняется ограниченное совпадение интересов и, следовательно, поле для взаимодействия на Ближнем Востоке. Это – процесс урегулирования в Сирии (жневский формат, а в известной степени и сопутствующий ему астининский), а также совместная или на параллельных курсах борьба с ИГИЛ и «Джебхат ан-Нусрой», официально признанными ООН террористическими организациями.

По мнению ряда участников конференции клуба «Валдай», Трампу на Ближнем Востоке нет смысла поднимать ещё выше планку военного реагирования, а неизбежное снижение актуальности темы «ответственности России» за результаты выборов в США может создать условия для большей координации действий США и РФ, особенно с учетом того, что оба государства обречены на взаимодействие на Ближнем Востоке. Оно может касаться обмена военной информацией, согласования видения будущей сирийской государственности, подходов к проблеме сирийских курдов, содействия прекращению огня, поддержки низовых органов местной власти, обеспечивающих выживание людей на территориях, вышедших из состояния войны.

На практике РФ и США заполнили почти всё пространство военного реагирования и политического диалога на Ближнем Востоке, почти не оставив места для ЕС, политика которого в регионе всё больше утрачивает оригинальность и самостоятельность коллективного субъекта международных отношений. При этом Россию не может не беспокоить перспектива, при которой после разгрома террористических группировок главный груз постконфликтного восстановления Сирии американская администрация может попытаться переложить на её плечи.

IV. «Заклятые» братья: о политике региональных акторов

Известная неопределенность, непредсказуемость и отсутствие четко сформулированной политической стратегии глобальных акторов в полной мере соотносится со спецификой поведения региональных. Ощутив свободу действий, но не всегда до конца осознавая пределы собственных амбиций, не обладая ни опытом, ни зачастую достаточными ресурсами для их реализации, не доверяя друг другу, они ведут активную внешнюю политику, подчас эмоциональную, рискованную, вызывающую серьезные угрозы и для них самих, и для региона в целом.

Сегодня региональных участников конфликтов можно условно разделить на три основные группы. В первой находятся наиболее сильные государства (Турция, Иран, Саудовская Аравия, Израиль), которые активно воздействуют на ситуацию, используют конфликты для решения собственных задач, при этом превращая традиционные союзнические отношения с глобальными игроками во всё более релятивные и конъюнктурные. Представители этой группы имеют собственную повестку дня, готовы решительно действовать, и у них не так много ограничений, за исключением внутренних вызовов и резкого обострения отношений друг с другом. Возвышение этих государств произошло на фоне резкого ослабления характерной для многолетней истории региона ведущей роли Египта, Сирии и Ирака.

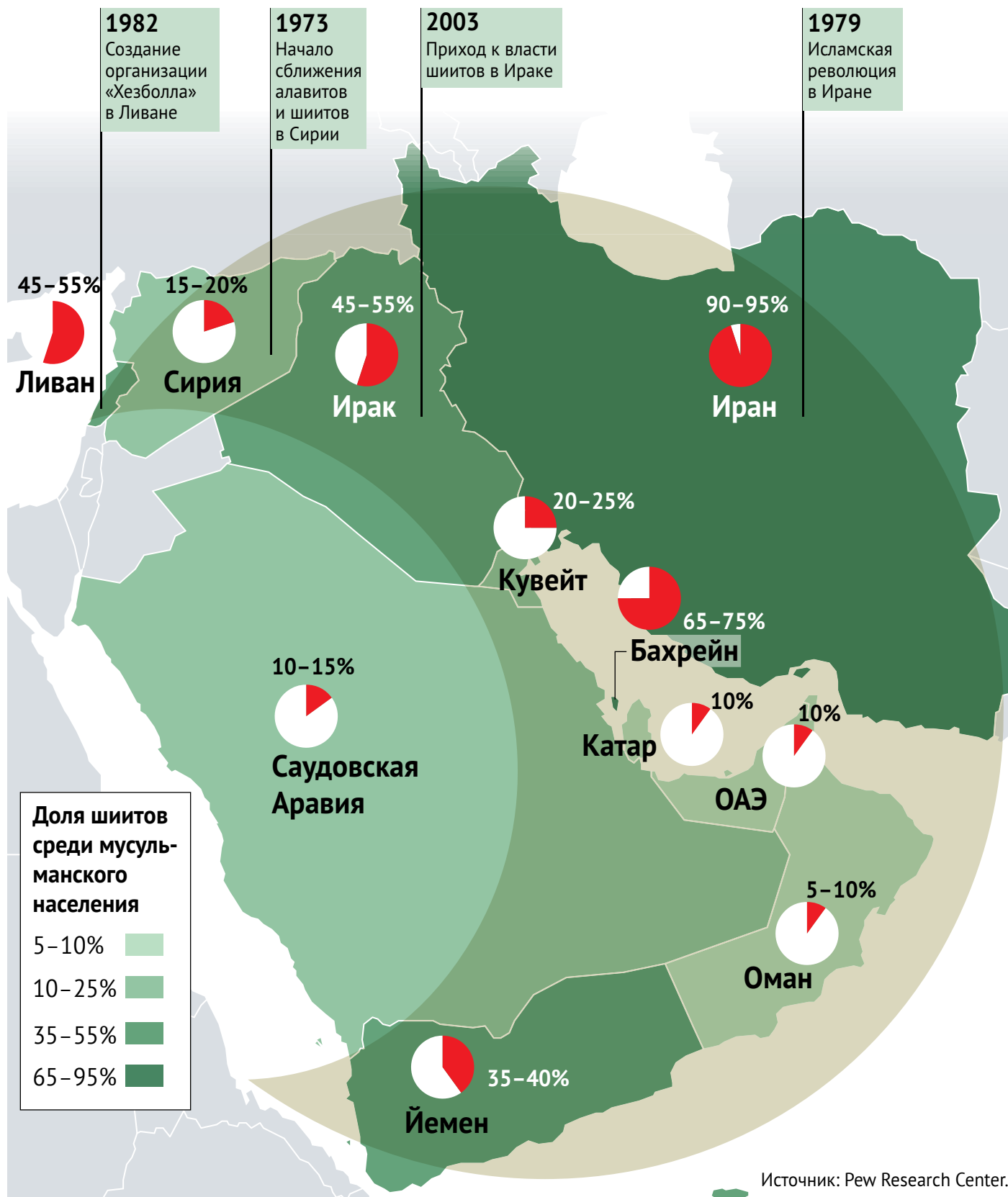
Ко второй группе можно отнести не столь активных, но тем не менее влиятельных участников региональных отношений – Египет, Иорданию, Катар – от позиции которых будет, хотя и в разной степени, зависеть перспектива стабилизации и соотношение сил в охваченных конфликтами соседних государствах.

И наконец, третья группа – Ирак, Сирия, Йемен, Ливия – это государства, подверженные десоверенизации и всё больше утрачивающие субъектность, что связано как с активностью в них внешних сил, так и с их собственной слабостью, стремлением спрятаться за чью-нибудь спину. Ни иракские, ни сирийские власти не делают собственных широко растиражированных заявлений о своем видении будущего, о борьбе с терроризмом, о противодействии провокациям, об отношении к гибели собственных граждан. Отстраненность от событий или слишком запоздалая реакция тех, кто обязан немедленно реагировать, неминуемо порождает вопросы о том, насколько зависимость от глобальных игроков воспринимается элитами как возможность переложить на них ответственность за происходящее.

Этот вывод может оказаться справедливым не только в отношении наиболее слабой группы, погруженных в конфликты субъектов, но и для наиболее сильных акторов, которые вряд ли будут готовы взять на себя реальную ответственность за последствия своих действий. Исторически такого опыта на Ближнем Востоке практически нет.

После поражения «политического ислама» в Египте и в результате нарастающей напряженности внутри Турции и в её отношениях с соседними государствами утратила свою привлекательность «турецкая модель» развития, хотя страна и сохранила потенциал силового влияния на ситуацию. Образовался своего рода вакуум «мягкой силы» и политического влияния. Иран, напротив, последовательно укреплял свои позиции в границах «благодатного полумесяца», опираясь на властные рычаги, сосредоточенные в руках шиитского большинства в Ираке,

ШИИТСКИЙ ПОЛУМЕСЯЦ

на окрепшие союзнические отношения с Дамаском и ливанской «Хезболлой», на исторически присущую шиизму роль выразителя народного недовольства против несправедливости власти.

Всё это воспринимается Саудовской Аравией как планы окружения «шиитским поясом» святынь ислама и подрыва устоев саудовской монархии, в том числе через шиитское меньшинство, сосредоточенное на востоке и юго-западе страны. Шиитская протестность внутри государств Залива видится их элитам как результат исключительно внешнего влияния.

В качестве противовеса «иранской экспансии» арабские государства Залива пытались в ускоренном порядке сформировать суннитский военно-политический блок, который должен был бы выбить Сирию, Ирак и Йемен из орбиты влияния Ирана и помешать внутренней дестабилизации монархий. Серьезным ограничителем этой стратегии, однако, стало разное восприятие иранского фактора странами ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива) и их неготовность следовать единой стратегии. Будучи угрозой для Бахрейна и Саудовской Аравии, ИРИ гораздо менее болезненно воспринимается Оманом и Кувейтом, готовыми предлагать мягкие альтернативы саудовскому алармизму.

Тем не менее большинство участников Ближневосточного диалога сходятся во мнении, что без снятия враждебности между Ираном и Саудовской Аравией разорвать порочный круг террора и гражданского насилия становится практически невозможным. Однако внешнеполитическая двойственность двух держав, выступающих одновременно в роли национальных государств и источни-

ков конфессионального мессианства, порождает взаимное недоверие такой степени, что попытки многочисленных посредников (более двадцати государств, неправительственных фондов и организаций, а также частных лиц, вовлечённых в этот процесс) до сих пор не дают видимых результатов.

Вместе с тем по мере продолжения конфликтов и накопления усталости у международного сообщества, отягощённого их тяжёлыми последствиями, появляются некоторые предпосылки к достижению пакетных договорённостей. В Сирии и Йемене оба противоборствующих государства истощают свои финансовые и военные ресурсы (по подсчётам ООН, за шесть лет войны в Сирии общая сумма расходов Ирана составила 35 млрд долл. США). Удорожание конфликтов и неопределённость перспектив с поисками их урегулирования ещё более осложняет экономические проблемы, обострившиеся с падением нефтяных цен. Для Ирана, который, как и Саудовская Аравия в Йемене, напрямую вовлечён в борьбу в Сирии, дальнейшее затягивание сирийского кризиса грозит нарастанием давления со стороны Соединённых Штатов и, возможно, введением новых американских санкций. Администрация Трампа, взявшая жёсткий курс в отношении Ирана, ясно даёт понять, что его поведение в регионе теперь будет учитываться наряду с выполнением соглашения по «ядерному досье». Таким образом, оба государства, имеющие амбициозные планы экономического развития, заинтересованы в создании благоприятной внешней среды для иностранных инвестиций, что прямо связано с созданием архитектуры региональной безопасности.

Кроме того, эскалация конфликтов достигла такого предела, когда все стороны, так

или иначе в них вовлечённые, начинают понимать, что достижение поставленных максималистских целей становится всё менее реальным. Это также усиливает тяготение к поискам примирения без потери лица.

Впрочем, несмотря на многочисленные доводы в пользу деэскалации, она может быть подорвана, даже не начавшись, из-за новой политики США. Антииранский курс администрации Трампа ведет к ослаблению позиций умеренного крыла иранского истеблишмента, одновременно внушая необоснованные надежды лидерам арабских монархий. В перспективе это может привести к переходу противостояния на новую стадию, которая будет ознаменована ростом экзистенциальных страхов с обеих сторон.

Новые тренды в американской политике оказывают влияние и на Израиль, рассматривающий их как возвращение к благоприятной для него линии. Заручившись демонстративной поддержкой Белого дома и озабоченный почти исключительно проблемами обеспечения собственной безопасности, последний может позволить себе довольно раскованную военную политику в Сирии, нанося удары по частям «Хезболлы», приобретшим бесценный военный опыт и новое вооружение, по бойцам Корпуса стражей Исламской революции и даже по частям сирийской армии. Если израильское командование и не будет злоупотреблять военными ударами, оно всё же будет пытаться сделать свое воздушное присутствие в Сирии более плотным и не допустить эвентуального закрепления противника у Голанских высот.

Новый элемент в происходящее могут внести события в Турции, где, несмотря на репрессии, последовавшие за неудачной попыткой переворота, почти половина на-

иболее модернизированного населения выступает против Реджепа Тайипа Эрдогана и против расширения его полномочий. Эксперты не исключают попыток Эрдогана использовать успешность во внешней политике как дополнительный инструмент мобилизации. Обостренное восприятие курдской проблемы может заставить Анкару действовать более агрессивно на тех направлениях, где у неё имеются нереализованные возможности, что чревато обострением отношений между Турцией и США, а, возможно, и между Турцией и РФ. Так, власти Турции, озабоченные нежеланием главных игроков принимать во внимание её интересы в Сирии, могут санкционировать военную операцию на северо-западе Ирака, вблизи от турецкой границы. И если в Сирии интересы США и РФ на курдском направлении совпали, вынудив Турцию свернуть операцию «Щит Евфрата», то в Ираке США придется в одиночку противостоять турецким амбициям. В любом случае намерение Эрдогана активно задействовать внешнеполитический ресурс ради поддержания собственных амбиций может сделать его не самым удобным партнером и для Вашингтона, и для Москвы.

В целом рост амбициозности региональных держав в сочетании с их зависимостью от глобальных игроков приводит ко всё большей неопределенности в системе региональных отношений. Трудно оценить, насколько точно региональные элиты определяют для себя границы для маневра и насколько продуманно они смогут действовать в этих границах. Судя по всему, политика новой американской администрации может быть воспринята ими как сигнал к большей раскованности, хотя осуществленные ею в первые 100 дней

президентства Трампа действия скорее свидетельствовали об обратном.

Указанный рост неопределенности не только ограничивает возможности политического урегулирования конфликтов, но и создает угрозу возникновения новых конфликтных зон в результате дестабилизации пока устойчивых государств. В этих условиях особую роль начинает играть экономическая составляющая регионального развития. С одной

стороны, экономические трудности, переживаемые рядом стран, делают их особенно уязвимыми перед лицом вызовов и угроз, порожденных нынешней ситуацией. С другой стороны, именно укрепление экономических систем и движение в сторону постконфликтного восстановления экономик стран, разрушенных войной, может создать основу для стабилизации ситуации и снижения уровня конфликтности в регионе.

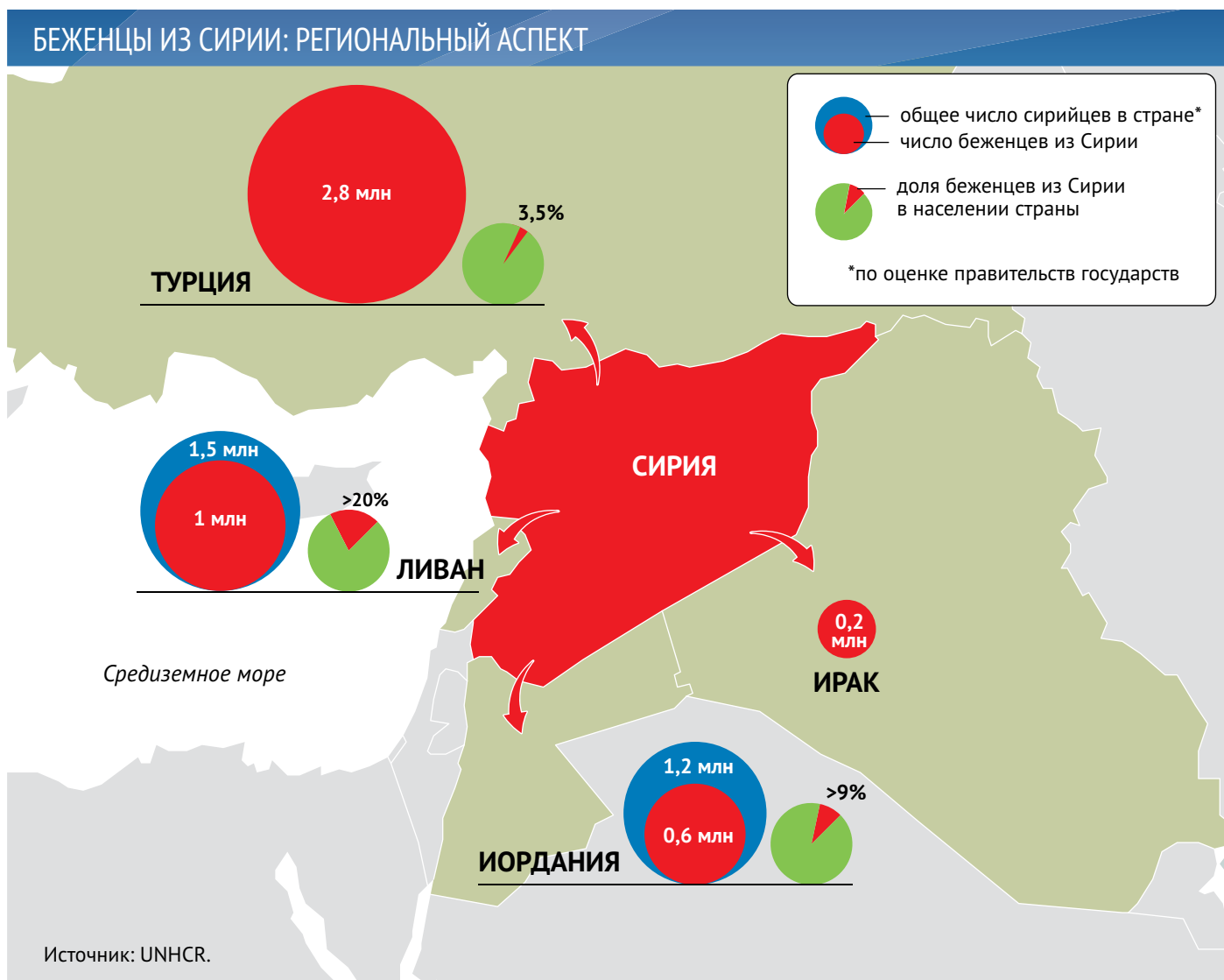
V. НЭР: о новой экономической реальности Ближнего Востока

Сегодня, спустя шесть лет после начала глубинной трансформации Ближнего Востока, приходится констатировать, что новый социальный контракт между государством и обществом, ожидавшим быстрых перемен в распределении материальных благ, по-прежнему не достигнут. Причём это относится, хотя и в разной степени, ко всем странам региона, независимо от того произошла ли там институционализация политических режимов после революционной смены власти (Тунис, Египет) или сама действующая власть приступила к реформированию под контролем сверху с целью адаптации к новым реалиям (Марокко, Иордания, Алжир). Можно заключить, что и в том, и в другом случае политические элиты, равно как и их оппоненты, оказались гораздо более готовы к политико-правовому маневрированию с целью ослабления напряженности, нежели к проведению системных социально-экономических реформ.

В результате общего роста напряженности в регионе сумевшие сохранить устой-

чивость государства оказались в чрезвычайно непростом положении. С одной стороны, очевидна необходимость не только экономических, но также и сущностных политических реформ. С другой стороны, возможности по их реализации ограничены, быстрых положительных результатов они дать не смогут, а рост социальной напряженности, которым они могут сопровождаться, вполне способен привести к новому взрыву. Негативный региональный фон и чувство уязвимости делают поведение правительств в этой ситуации особенно осторожным.

Для Египта, где, несмотря на все предыдущие реформы, государственный сектор сохранил доминирующие позиции, сложившееся положение сопряжено с особыми проблемами. Военный режим старается отмежеваться от тех представителей крупного бизнеса, которые оказывали политическое влияние на власть и были символами коррупции при президенте Хосни Мубараке. Всё больше экономических функций начинает брать на себя армия, действующая

как самостоятельная коммерческая корпорация со своим бюджетом и опирающаяся на предпринимателей – выходцев из армейских кругов. Параллельно власти ищут новую опору среди рыночно ориентированного крупного бизнеса, не связанного напрямую с государственными структурами.

Проведение реформ в Египте и Тунисе осложняется также нестабильной внутривосточной обстановкой. В ответ на непрекращающуюся террористическую активность, а иногда и под этим предлогом, египетские и в меньшей мере тунисские власти принимают меры по ограничению граждан-

ских свобод, что в Египте встречает негативную реакцию со стороны политических сил, призвавших армию к власти в июле 2013 г.

По мнению ряда экспертов клуба «Валдай», можно говорить о наметившейся тенденции к «новому авторитаризму» как неизбежно допустимому способу правления, который мог бы обеспечить контролируемое проведение назревших экономических реформ.

В Ливане и Иордании депрессивное воздействие на экономику оказывает наплыв беженцев из Сирии. Для Ливана, где сирийцы уже составляют 20% населения, это острая

проблема, по словам премьер-министра Саада Харири, сравнимая с «бомбой замедленного действия». В Иордании за пять лет войны в Сирии (2011–2015 годы) за счёт сирийских беженцев население выросло настолько же, насколько за 15 предвоенных лет. В этих условиях рост реального ВВП страны сокращается в течение последних двух лет, а прирост дохода на душу населения с 2012 г. находится на нуле¹³.

Помимо внутренней нестабильности и конфликтогенной внешней среды проведение внутренних реформ, которые могли бы дать в скором времени сколько-нибудь ощутимый социальный эффект, осложняется изменившейся конъюнктурой на мировом рынке нефти. Если при высоких ценах на нефть часть сверхдоходов арабских государств-экспортёров нефти так или иначе служила одним из источников роста во всём регионе, то с падением цен и волатильностью их колебаний сами нефтеэкспортёры испытывают серьёзные финансовые трудности. Их участие в экономическом восстановлении региона вызывает большие вопросы ещё и потому, что одни из них разрушаются непрекращающимися внутренними противоборствами (Ирак и Ливия), другие прямо или косвенно вовлечены в вооружённые конфликты за пределами своих границ (арабские государства Персидского залива, в первую очередь Саудовская Аравия), что требует больших дополнительных расходов. Так, за период 2012–2016 гг. и без того огромные закупки вооружений в этом регионе подскочили на 12%.

По прогнозам МВФ, доходы арабских государств Персидского залива должны были сократиться в 2016 г. на 350 млрд долл.

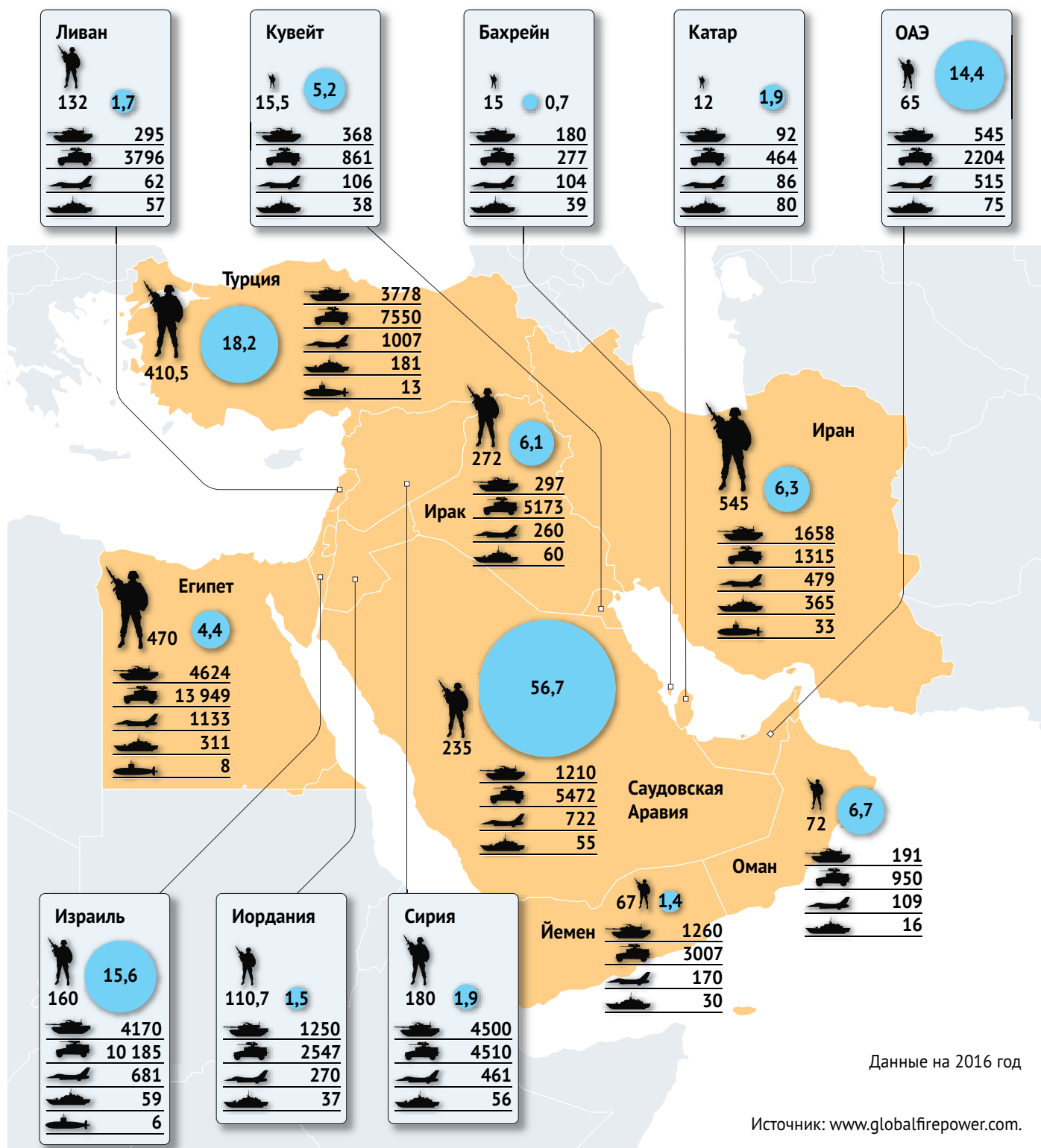
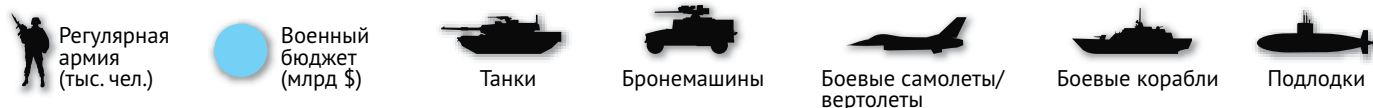
США по сравнению с 2014 г. В этой связи совокупный дефицит бюджетов стран-членов ССАГПЗ на 2016 г. был запланирован в рекордной сумме, превышающей 153 млрд долл. США (119 млрд в 2015 г.). Почти половина этой суммы приходится на Саудовскую Аравию. В последующие годы, по оценкам арабских экономистов, дефицит пойдёт на снижение, но до 2021 г. вряд ли опустится ниже 100 млрд долл. США¹⁴. Значительные финансовые трудности ощутимы и в Алжире, не затронутом напрямую вооружёнными конфликтами. В 2017 г., второй год подряд, бюджет был сведён с большими сокращениями (63 млрд долл. США по сравнению с 110 млрд долл. США в 2015 г.).

Изменение конъюнктуры на мировом рынке нефти и возросшие внутренние расходы вынуждали Саудовскую Аравию идти на кардинальные экономические реформы. Пожалуй, впервые в её современной истории. Традиционно государство воспринималось в этой нефтяной монархии как законный распределитель материальных благ, и внутривнутриполитическая стабильность обеспечивалась во многом путём крупных финансовых вливаний на цели поддержания высокой заработной платы в раздутых государственном секторе и в охранных структурах (в два раза больше, чем в частном секторе), субсидирования цен, расходов на образование и медицинское обслуживание, а также на другие социально-общественные нужды. Поэтому первой реакцией правящего семейства на нараставшую волну протестов в арабском мире был объявленный королём Саудовской Аравии крупный «социальный пакет»

¹³ Nemeh B. Jordan's Burden. Carnegie Middle East Center. March 21, 2017. URL: <http://carnegie-mec.org/diwan/68330>

¹⁴ *Economic Prospects and Policy Challenges for the GCC Countries*. IMF. URL: <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2016/102616b.pdf>

ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

стоимостью в 129 млрд долл. США, рассчитанный на несколько лет. Это более половины ежегодных доходов королевства от экспорта нефти.

Новая экономическая политика Саудовской Аравии, анонсированная правительством как «Видение–2030», предусматривает целый комплекс реформ, конечная цель которых перейти от «экономики-рантье» и государственного патронирования к современной экономике производства с технологическим уклоном. Такой поэтапный переход планируется достичь путём урезания расходов на содержание государственного аппарата, ускорения темпов диверсификации экономики, частичной приватизации государственного сектора, в том числе саудовской «нефтяной империи» – компании Арамко, сокращения дотаций и расширения доли частного сектора. То есть речь идёт об изменении условий социального контракта и о проведении структурных преобразований в экономике, что само по себе представляет серьёзное испытание для королевства, даже если прежняя политическая надстройка и останется неизменной. Проводимые реформы предусматривают, в том числе, законодательные и административные меры по ограничению численности иммигрантской рабочей силы, что приведёт к существенному сокращению финансовых поступлений в другие арабские страны, в первую очередь в Египет, получавший от них больше, чем от иностранных инвестиций.

Успех объявленных реформ, по оценке ближневосточных экспертов, далеко не гарантирован чисто экономическими преобразованиями. По мере того, как условия социального контракта, присущие экономике-рантье и государствен-

ному патернализму, будут меняться, рано или поздно возникнет необходимость выстраивания инклюзивной политической системы, что «Видением-2030» пока не предусматривается. Программа приватизации и повышения доли частного сектора в экономике неминуемо сопровождается расширением прослойки среднего класса, появлением новых социальных слоев, которые будут выступать за должное представительство их интересов во властных структурах, монополизированных правящим семейством. Потребуется также пересмотреть в сторону допущения некоторой религиозной свободы жёсткую версию официального ислама в той части, где она тормозит приток иностранных инвесторов. Несмотря на некоторые религиозные реформы с целью успокоить западных союзников в первые годы после терактов 11 сентября 2001 г., система законодательства по-прежнему наделяет короля и верховную религиозную иерархию широкими прерогативами в трактовке исламских норм, исходя из политической целесообразности. Так, например, антитеррористический закон от 31 января 2014 г. рассматривает атеизм как акт терроризма, а королевским декретом №44 от 3 февраля 2014 г. принадлежность к определённым религиозно-политическим группам, таким как «Ансарулла» или «Братья-мусульмане», считается уголовным преступлением, также как принадлежность к «Аль-Каиде» и другим террористическим организациям.

Несмотря на то, что конкретные обстоятельства экономического кризиса и, соответственно, меры, необходимые для его преодоления, в разных странах региона отличаются друг от друга, что не предполагает выработку универсальных рецептов реформ,

самую необходимость последних и связанные с ними риски можно считать общим вызовом для региона, создающим основу для которого взаимодействия между странами.

Однако ещё более важным фактором взаимодействия может стать необходимость восстановления экономик стран, охваченных вооруженными конфликтами.

VI. Возрождение птицы Феникс: о перспективах постконфликтной реконструкции

На значительных территориях Сирии, Ирака, Йемена и Ливии, где полностью отсутствует или ослабла система управления, действуют законы военной экономики. Такая экономика усугубляет социально-экономическую деградацию, по сути финансирует терроризм и различные теневые структуры, не заинтересованные в переходе к мирному развитию. Она включает в себя «налоги» на любые виды торговли, транзита, транспортных перевозок, гуманитарных конвоев – всего того, что проходит через зону, контролируемую той или иной стороной конфликта. В случае долговременного сохранения ситуации и монополизации власти на той или иной территории какими-либо негосударственными акторами существует возможность определенной регламентации налоговой системы. Так, на пике успеха ИГИЛ в Сирии и Ираке смогло создать довольно сложную систему обложения населения, за счет чего обеспечило налоговые поступления в 2014 г. в объеме около 600 млн долл. США.

Военная экономика неразрывно связана с такими антисоциальными явлениями, как разгул контрабанды и торговли на «чёрном рынке», в том числе оружием, грабежами и вымогательством, похищением людей

и культурных ценностей. Одна только торговля нефтью, газом, цементом, фосфорной кислотой, фосфатами, зерновыми и хлопком в 2015 г. принесла ИГИЛ в Сирии и Ираке порядка 2,2 млрд долл. США¹⁵. После начала российской операции в Сирии и активизации борьбы против ИГИЛ эти поступления значительно сократились.

Военная экономика, возникая в результате разрушения нормальных институтов, сколь бы прибыльна ни была для отдельных участников конфликтов, не может обеспечить нормальную жизнедеятельность общества. В результате все острые проблемы мирового развития – нищета, дефицит продовольствия, медицинской помощи, нехватка водных ресурсов – в конфликтных зонах Ближнего Востока приобрели характер гуманитарных катастроф. По последним данным ФАО ООН, положение 30 млн жителей Ближнего Востока и Северной Африки не отвечает международным критериям продовольственной безопасности. Население одной трети из 22 провинций Йемена находится на грани голода. В Сирии от недоедания

¹⁵ ИГ: от безумной идеи к коллапсу экономики. Российский совет по международным делам. 27 января, 2017.
URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ig-ot-bezumnoy-idei-k-kollapsu-ekonomiki/>

страдают более 70% семей. Жизнь 80% сирийцев за годы войны опустилась ниже черты бедности, а её продолжительность сократилась на 20 лет¹⁶.

Из всех конфликтных очагов Ближнего Востока Сирия понесла наибольшие потери в виде материальных разрушений, людских жертв и снижения качества человеческого капитала. Размер ущерба за период 2011–2016 гг. оценивается в 325,5 млрд долл. США. Из них 227,5 млрд долл. США – потери от реального снижения ВВП плюс упущенная выгода по сравнению с размером ВВП за 2016 год, запланированным по утверждённому правительством Сирии пятилетнему плану, и 100 млрд долл. США – прямой материальный ущерб. За годы войны ВВП сократился более чем наполовину (–56%), в то время как по плану он должен был вырасти на 40%. Бюджетный дефицит увеличился более чем в 14 раз. Расходы бюджета подскочили на 56% при резком сокращении доходов на 66%. Наибольшие материальные потери приходится на разрушения в строительной инфраструктуре, перерабатывающей и добывающей промышленности, в электро- и водоснабжении. Промышленное и сельскохозяйственное производство сократились в целом на 40% и 64% соответственно, легальная торговля – на 68%¹⁷. По подсчётам, представленным участником конференции Абдаллой Аль-Дардари, возвращение экономики Сирии к предвоенному уровню 2010 г. потребует

инвестиций в размере 1 трлн долл. США и десяти лет мирной жизни. Причём даже если конфликт будет урегулирован в ближайшее время, страна уже отброшена в своём экономическом развитии на 17 лет назад.

При этом к концу 2016 г. наметилось широкое совпадение интересов в поддержании мировых цен на нефть на более высоком уровне среди членов ОПЕК и нефтеэкспортёров, не входящих в нефтяной картель. Ключевую роль в достигнутых соглашениях о стабилизации нефтяного рынка сыграли совместные усилия России и Саудовской Аравии, что может восстановить взаимное доверие между ними и способствовать преодолению политических разногласий, прежде всего в отношении сирийского конфликта. Вместе с тем стабилизацией нефтяных цен как таковой вряд ли возможно развязать тугой клубок многомерных ближневосточных проблем. С течением времени становится понятно, что в конечном счёте именно экономика и социально-экономические проблемы, с ней связанные, будут отягощать любые миротворческие усилия. В то же время внешняя помощь по государственной линии или по линии международных организаций тормозится отсутствием продвижения вперёд в политическом урегулировании. Евросоюз в своей объявленной стратегии на Ближнем Востоке, например, напрямую увязывает своё участие в реконструкции экономики Сирии с достижением договорённостей об организации переходного периода в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН. Сложился своего рода замкнутый круг.

Сегодня очевидно, что выработка согласованного проекта экономической реабилитации региона выходит на первый план

¹⁶ *National Agenda for the future of Syria. Strategic Policy Alternatives Framework. Документ Экономической Комиссии ООН по Западной Азии. (на араб. яз.). С. 18. URL: <http://css.escwa.org.lb/spaf-final24-1-2017.pdf>*

¹⁷ *National Agenda for the future of Syria. Strategic Policy Alternatives Framework. Документ Экономической Комиссии ООН по Западной Азии. (на араб. яз.). С. 12–16. URL: <http://css.escwa.org.lb/spaf-final24-1-2017.pdf>*

как задача всего международного сообщества. Это та точка совпадения интересов, которая позволила бы увязать многосторонние действия на политическом треке в один стабилизационный пакет.

Эскалация вооруженного насилия и гуманитарные катастрофы достигли того предела, когда все стороны, вовлечённые в конфликт, начинают понимать, что достижение поставленных максималистских целей дальше становится невозможным. Это создаёт почву для поиска компромиссов. Задействование экономических инструментов способно закрепить этот тренд, создать недостающие стимулы для продвижения вперёд в политическом урегулировании.

Финансовый ущерб и разрушения в регионе достигли таких масштабов, которые при нынешнем состоянии мировой экономики делают задачу восстановления экономики в конфликтных зонах неподъёмной для какого-либо одного государства. В то же время негативные последствия столь длительной дестабилизации Ближнего Востока охватывают всё большее число внерегиональных стран, угрожая безопасности не только Европы, но и всего евроатлантического пространства. Объединение финансово-экономических ресурсов для восстановления региона, по мнению большинства участников конференции клуба «Валдай», должно рассматриваться как «инвестиции» в «общее благо» с целью предотвращения неконтролируемой миграции, борьбы с международным терроризмом и экстремистскими идеологиями.

Необходимость налаживания международного сотрудничества обоснована и чисто экономическими соображениями глобального порядка. Какие бы перемены ни происходили в мировой политике, Ближний

Восток и в долгосрочной перспективе будет сохранять своё важное значение как основной источник энергоресурсов. По прогнозам Международного энергетического агентства, спрос на нефть имеет тенденцию к росту, и доля в нём Ближнего Востока будет сохраняться высокой даже в случае повышения объёмов добычи сланцевой нефти в США. Так, по оценкам представителя Банка Японии для международного сотрудничества, более половина её импорта нефти поступает из этого региона, несмотря на все усилия по диверсификации поставок сырья.

В практическом плане необходимо уже сейчас начать подготовку к постконфликтному периоду через выстраивание комплексных механизмов международной координации на экономическом направлении. Это можно сделать путём наполнения принятых резолюций Совета Безопасности ООН по урегулированию в Сирии, Йемене и Ливии «экономическим весом». Структура экономического стимулирования могла бы включать специализированные организации системы ООН, Всемирный банк, Международный валютный фонд, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и другие международные финансовые институты. Ряд экспертов отмечает также необходимость встраивания в эту структуру частных капиталов из региона и мировых рынков по мере того, как на части территорий, охваченных конфликтом, будет достигаться примирение. По оценке Абдаллы Аль-Дардари, капитал сирийских бизнесменов за границей составляет не менее 100 млрд долл. США.

Важной составной частью многосторонних усилий, причём в долгосрочной перспективе, является оказание гуманитарной помощи, за счёт которой сегодня живет

основная часть населения Йемена и значительная часть Ливии. Нужды в гуманитарной помощи только одной Сирии, по подсчётам экспертов, составляют внушительную сумму – 20 млрд долл. США.

При всём осознании того, что регион переживает самую крупную гуманитарную катастрофу со времен Второй мировой войны, международное сообщество пока оказывается неспособным выработать согласованную линию в этом вопросе. Его действия остаются разрозненными и в значительной мере политизированными. Выделенные на международных донорских конференциях в Лондоне и Брюсселе гуманитарные фонды выглядят внушительно. Обещания, однако, часто остаются на бумаге или не выполняются полностью, причём и со стороны государств с высокими доходами. Вклад, заявленный, например, на лондонской конференции Саудовской Аравией на 2016 г. в объёме 200 млн долл. США, подтверждён только на сумму 27 млн. Китай заявил пакет в 35 млн долл. США, реально выделив до начала 2017 г. 3 млн долл. США¹⁸.

Нет оснований полагать, что стороны будут готовы быстро изменить существующую ситуацию. Нет сомнений, что разнонаправленность их интересов будет оставать-

ся важным препятствием для совместных действий. Вместе с тем дальнейшее разрушение региональной системы международных отношений и гуманитарная катастрофа в отдельных странах Ближнего Востока способны нанести мощный удар по интересам всех государств, стремящихся к «возвращению к нормальности»: к снижению уровня террористических угроз, возвращению беженцев, к налаживанию надежных экономических связей, иными словами – к многовариантному, но всё же прогнозируемому будущему.

В таком контексте экономическая составляющая конфликтного урегулирования и выстраивание системы региональной безопасности могут приобрести большее значение как побудительный импульс к совместным действиям. Реконструкция Ближнего Востока, особенно его конфликтных очагов в Сирии, Йемене, Ираке и Ливии, налаживание достойной жизни людей могут стать той точкой совпадения интересов, той общей идеей, вокруг которой будут строиться коллективные международные усилия. Именно движение мирового сообщества к этой цели и может создать новую реальность, в которой стабильность и процветание будут гарантированы всему региону.

¹⁸ Coughlan S. Who really paid up to help Syria? BBC News. February 10, 2017. URL: <http://www.bbc.com/news/education-38896547>

#Valdaiclub

 ValdaiClubRu

 ValdaiClubRu

ru.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

ISBN 978-5-906757-48-7

9 785906 757487